

УДК 343.9

**Владимир Степанович
ИШИГЕЕВ,**

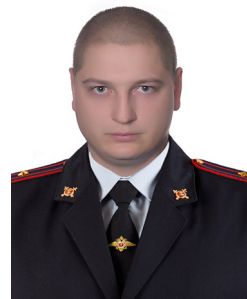
профессор кафедры уголовного права Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Иркутск), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Бурятия

**Нелли Львовна
РОМАНОВА,**

заведующая кафедрой уголовного права Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Иркутск), кандидат юридических наук, заслуженный юрист Иркутской области

nellyromanova@mail.ru

**Альберт Янович
БОНДАРЬ,**

преподаватель кафедры ОРД Восточно-Сибирского института МВД России (г. Иркутск)

КРИМИНАЛЬНЫЙ ПРОФЕССИОНАЛИЗМ В XXI ВЕКЕ КАК ОБЪЕКТ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

CRIMINAL PROFESSIONALISM IN THE XXI CENTURY AS AN OBJECT OF CRIMINOLOGICAL RESEARCH

Статья посвящена проблемам криминального профессионализма. Авторским коллективом обосновано, что противодействие криминальному профессионализму в настоящее время продолжает оставаться актуальной криминологической и правоприменительной проблемой. Рассмотрены изменения в «преступном мире», новые виды профессиональной преступной деятельности и криминальный рынок труда. Сделан вывод о том, что современная профессиональная преступность приобретает более высокий уровень организованности и распространенности.

The article deals with issues of criminal professionalism. The authors are of the opinion that counteraction to criminal professionalism in the present time is still an actual criminological and law-enforcement problem. Changes in the underworld, new types of professional criminal activity and criminal labor market are analyzed. The conclusion that modern professional criminality gets a higher level of organization and distribution is drawn.

Ключевые слова: профессиональная преступность, организованная преступность, воровская среда, проблемы противодействия.

Keywords: professional criminality, organized crime, thieves' environment, problems of counteraction.

По данным Ю. Торвальда, в конце XVIII века основатель и первый начальник парижской тайной полиции Эжен Видок предложил называть профессиональными преступниками тех, кто систематически совершал кражи, мошенничества и другие преступления, достигших при этом ловкости и мастерства [12, с. 18].

Однако проблема криминального профессионализма всегда привлекала внимание криминалистов. Так, еще в XV веке в германских государствах были изданы сборники «Baseler Ratsmandat» и «Liber Wagatorum», где были изложены основные способы совершения мошенничеств, краж профессиональными преступниками, а знание этих приемов должно было служить целям предупреждения преступлений. В Англии с XVIII века издавался Ньюгетский календарь, где были названы заключенные лондонской ньюгетской тюрьмы с описанием их личности и способов совершения ими преступлений, так как речь шла о профессиональных преступниках [1, с. 114]. Поэтому не случайно в 1897 г. на Гейдельбергском съезде международного союза криминалистов было определено понятие профессионального преступника, которое связано с признаком упорства, нежелания человека отказаться от совершения преступлений. Русские ученые С. Познышев, И. Фойницкий выступили против определения термина «профессиональный», несмотря на то, что большая часть ученых такое обозначение считало удачным.

В советский период вопросами профессиональной преступности, специализации и квалификации занимались видные советские и российские ученые А.И. Гуров, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев, С.Я. Лебедев, С.Ф. Милуков, Г.Ф. Хохряков, А.В. Шеслер, И.Н. Якимов и ряд других, доказавших наличие в стране «победившего социализма» профессиональной преступности.

В постсоветский период, несмотря на заложенную основу исследования проблем борьбы с профессиональной преступностью, за исключением отдельных работ [3-5], а также учебного курса криминологии вопросы борьбы с профессиональной преступностью рассматриваются в разделах, описывающих рецидивную и корыстную преступность.

Между тем противодействие профессиональной преступности как никогда является актуальными, так как в УК РФ имеются уголовно-правовые нормы, прямо предусматривающие наличие профессиональной преступности. Это п. «г» ч.2 ст. 158 УК РФ, предусматривающий уголовную ответственность за кражу из «одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем», тем самым прямо предусмотрена уголовная ответственность воров-карманников; в п. «з» ч.2 ст. 105 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за убийство, совершенное по найму, т.е. законодатель предусмотрел уголовную ответственность лиц, совершающих убийства на профессиональной основе.

1 апреля 2019 г. в УК РФ введена уголовная ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ), тем самым законодатель признал наличие профессиональной и организованной преступности, так как в первую очередь только в странах России и СНГ действуют лица, занимающие главенствующее положение в общеуголовной преступности, – воры в законе. Преступление отнесено к разряду особо тяжких.

Тем не менее, несмотря на изменения в уголовном законодательстве, предусматривающие ответственность профессиональных преступников, в современной криминологии проблема профессиональной преступности является малоисследованной.

В настоящее время можно наблюдать массовое появление публицистической литературы, посвященной проблемам преступности, где использована литература прошлых лет, в том числе и рассекреченная, предназначенная для судебного пользования, а также компиляция фундаментального исследования профессора А.И. Гурова, изданного в 1930 году, в основу которого положены исследования автора и его коллег, проходивших службу в уголовном розыске в 60-70-е годы; а в отдельных работах можно по-прежнему прочитать про «тыршиков», «пропальщиков», «рыболовов», хотя этих специальностей у карманных воров уже нет, и в современном жаргоне, по данным респондентов – карманных воров, отбывающих наказание в испра-

вительных колониях Иркутской области, эти слова не употребляются.

В одном из учебников по криминологии в разделе, посвященном профессиональной преступности, указано, что «козлятник» – вор, обучающий начинающих карманников(!). Авторы даже не знают смысла этого слова, потому что согласно криминальной субкультуре осужденного, употребившего это слово, могут просто убить.

«Преступный мир», как и общество, не стоит на месте, а приспосабливается к новому общественно-политическому строю и рыночным отношениям. В связи с исчезновением дефицита и свободным оборотом валюты в прошлом остались «ломщики» – мошенники, умевшие при размене валюты у валютного магазина «Березка» и у гостиниц «Интурист» вкладывать бумагу вместо долларов. Фактически исчезли «наперсточники», обыгрывавшие на вокзалах и рынках доверчивых граждан в период первоначального накопления капитала, трансформировавшись во владельцев игровых салонов, а с их закрытием создавшие подпольные казино, находящиеся под контролем организованной преступности.

Значительные изменения произошли в профессиональной воровской среде. Исчезли воры, специализирующиеся на взломах сейфов (медвежатники), нет в настоящее время воров, вскрывающих двери квартир ломиком (фомкой), воров, проникающих в квартиры граждан через форточки (форточники). И это вполне закономерно, так как все финансовые учреждения оборудованы современными средствами сигнализации, а квартиры – металлическими дверями и евроокнами, так что отдельным квартирным ворами пришлось менять специализацию либо выйти на «покой», поскольку следовало поучиться работать отмычками или применять болгарку для среза шарниров. Исчезли «прорубщики» контейнеров, осуществлявшие кражи на железной дороге, успешно работавшие на объектах «Транссиба» в 1960-1980-е годы, когда строилась БАМ, а в контейнерах перевозили как международные грузы, так и товары народного потребления.

По-прежнему наиболее прогрессивным сословием в воровской касте остаются воры-

карманники. Это связано с тем, что у карманных воров вырабатывается отточенная техника совершения краж – это ловкость пальцев, точность движений, определенная психологическая установка и виртуозное владение собственными эмоциями, позволяющие карманному вору у вменяемого трезвого потерпевшего незаметно отстегнуть браслет с часами.

Согласно исследованию А.И. Гурова, относящемуся к советскому периоду, карманные воры делились по месту совершения краж: «рыночники, майданщики, магазинщики, театральщики, кроты...» [4, с. 140]. Согласно результатам опроса карманных воров, отбывающих наказание в местах лишения свободы Иркутской области, республик Бурятия, Якутия и Забайкальского края, в профессиональной среде карманников нет специализации по времени и месту совершения краж. Все зависит от ситуации, а также от лидера карманников, распределяющего районы действия воров-карманников.

Применительно к современной профессиональной преступности известный советский и российский криминолог Г.Ф. Хохряков указал на три характерных признака: а) устойчивый вид преступной деятельности; б) определенная квалификация, то есть определенные познания и навыки; в) деятельность, приносящая доход [13, с.286].

Профессором Г.Ф. Хохряковым в качестве признака профессиональной преступности не указана связь с «асоциальной средой», которую выделяли исследователи XX века. Можно сказать, что они в основном рассматривали вопросы профессиональной преступности, связанной с посягательствами на собственность, где кражи, грабежи и разбои совершались лицами, традиционно связанными с криминальной субкультурой, а в настоящее время есть виды преступной деятельности, получившие в постсоветский период значительное распространение.

Так, при рассмотрении проблем профессиональной преступности можно выявить новый вид криминальной профессии – браконьерство [7]. На первый взгляд, браконьеры не вписываются в общую схему профессиональной преступности исследователей XX века,

но анализ ее характеристик свидетельствует о наличии у рассматриваемого вида преступной деятельности всех признаков противоправной деятельности по определению Г.Ф. Хохрякова.

Аналогичное мнение о криминальном профессионализме среди браконьеров высказано А.А. Бессоновым [2, с. 32]. Так, у всех браконьеров, специализирующихся на добыче рыбы и икры как на реке Волга, так и на озере Байкал, а также водных объектах Дальнего Востока, основным источником дохода является незаконная добыча рыбы семейства осетровых, лососевых и омуля с переработкой икры и последующей реализацией.

Несмотря на географическую отдаленность, климат, национальный состав и другие различия, все браконьеры занимаются незаконным промыслом во время запретного лова рыбы, а также в нерестовый период. Пойманная рыба и заготовленная икра хранятся в специальных «схронах» вдоль береговой линии озера Байкал и нерестовых рек, впадающих в озеро, а также в зарослях камыша на нижней Волге и нерестовых реках Хабаровского края и Камчатки.

Для занятия незаконной добычей осетровых, лососевых, омуля и другой рыбы применяется специальная экипировка в виде импортных рыболовных костюмов, лодки и катера с импортными моторами «Ямаха», «Кавасаки», а также рыболовные сети производства КНР и кованые крючья для ловли осетра и калуги в реках Селенга, Амур, Волга и Енисей.

Для того чтобы приобрести дорогостоящее оборудование для браконьерского промысла, начинающие браконьеры работают из «трети», «половины» у лиц, занимающихся незаконным промыслом постоянно, эксплуатируя и втягивая в ловлю рыбы и добычу икры жителей прибрежных населенных пунктов, получающих навыки и определенный доход каждый месяц.

Новым видом криминального профессионализма в условиях Сибири и Дальнего Востока является незаконная рубка леса «черными лесорубами» с последующей перепродажей лесозаготовительным предприятиям, имеющим лицензии на экспорт леса и лесоматериалов в КНР и страны Юго-Восточной Азии.

По данным МВД России, в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке наблюдается рост преступности в сфере заготовки и оборота леса и лесоматериалов, в том числе ценнейших пород: корабельной сосны, кедра, ясеня и бука, так называемый незаконный лесной бизнес. Если, по экспертным оценкам, в лесах, например, Байкальского региона ежегодно в начале XXI века (2002-2004 гг.) незаконно заготавливалось до 5 млн. м³ древесины, что составляло около 200 млн. рублей ущерба [8, с. 8], то, по данным отдела федерального государственного лесного надзора, в 2014 г. ущерб от незаконных рубок леса только в Иркутской области составил 2,7 млрд. рублей [9, с. 96].

В результате изучения и анализа уголовных дел по фактам незаконной рубки лесных насаждений авторами установлено, что «черными лесорубами» являются жители таежных районов, не имеющие иного дохода кроме занятия незаконной заготовкой древесины.

В настоящее время в сельских и таежных районах Сибири и Дальнего Востока наблюдается массовая безработица, все государственные предприятия, промысловые и заготовительные конторы обанкрочены и ликвидированы, в связи с чем местные жители объединяются в бригады по вырубке леса с последующей перепродажей.

В отличие от лесорубов советского периода «черные лесорубы» используют финские и норвежские бензопилы, трелевочники японского производства «Комацу» и импортные лесовозы с манипуляторами для погрузки кругляка, тем самым деятельность по незаконной добыче древесины и переработке леса крайне производительна и приносит огромный доход, а для работы на импортном оборудовании и при валке деревьев необходимы определенные познания и навыки, то есть квалификация. Не случайно П.В. Тепляшин отмечает, что «в сфере лесопользования преступность обладает также значительной степенью латентности, коррупционным лоббизмом и наличием отлаженных криминальных схем в создании легальных процедур в сфере оборота объектов лесопользования» [11, с. 93].

Таким образом, в сфере профессиональной преступности XXI века можно наблюдать

своеобразный криминальный рынок труда – «объективно существующее социальное явление, предусматривающее собой предложение определенного вида преступной деятельности, обусловленное спросом на нее, а также вовлечение в эту деятельность различных социальных групп, что позволяет обеспечить ее существование» [6, с. 229], который не в полной мере исследован криминологами либо не понят ими.

Следует согласиться с А.Л. Репецкой, которая дополнила данное определение словосочетанием «сопровождающееся получением субъектами данной деятельности не контролируемых государством доходов». Более того, ею отмечено, что «криминальный рынок неоднороден по своей структуре и состоит из трех основных сегментов: криминального рынка, рабочей силы, товаров и услуг» [10, с.10].

Вместе с тем «криминальный рынок труда», с нашей точки зрения, включает в себя сферу профессиональной преступности, где осуществляется соответствующая вербовка лиц, для занятия преступным промыслом в виде браконьерства с целью добычи водных биоресурсов, древесины, получаемой в ре-

зультате незаконной рубки лесных насаждений, совершения заказных убийств и т.д.

А «криминальная рабочая сила», с нашей точки зрения, является достаточно широким понятием, которое может включать в себя и незаконных мигрантов, и лиц, работающих без договора, но никакого отношения к профессиональной преступности не имеет. Аналогично к криминальному рынку труда не имеет отношения производство товаров и услуг.

Фактически в настоящее время современная профессиональная преступность приобретает более высокий уровень организованности. Группы преступников-профессионалов получили возможность совершать новые, ранее не известные в силу своей сложности и масштабности преступления, которые требуют высокой организации выполнения преступного замысла. Но современный профессионализм недостаточно изучен в связи с отсутствием достаточного эмпирического материала, который может быть получен в результате опросов сотрудников уголовного розыска, оперативных частей мест лишения свободы и непосредственно осужденных.

Библиографический список

1. Белкин, Р.С. Скучная криминалистика: Рассказ об известн., малоизвестн. и почти неизвестн. средствах и методах поиска истины в правосудии / Р. С. Белкин. – Ижевск, 1993. – 349 с.
2. Бессонов, А.А. Особенности расследования незаконной добычи водных биоресурсов / А.А. Бессонов // Следственная практика : сборник статей / гл. ред. Д.Ф. Козусев. Вып. 181. – М., 2010. – С. 31-37.
3. Глонти, Г. Профессиональная преступность в Грузии / Г. Глонти, Г. Лобжанидзе. – Тбилиси, 2004. – 212 с.
4. Гуров, А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность / А.И. Гуров. – М., 1990. – 301 с.
5. Гуров, А.И. Красная мафия / АИ. Гуров. – М., 1995. – 328 с.
6. Ишигеев, В.С. Криминальный рынок труда как объект криминологического познания // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе : сборник материалов международной научно-практической конференции. – Красноярск, 2006. – Ч. 1.
7. Ишигеев, В.С. Браконьерство как новый вид криминального профессионализма / В.С. Ишигеев, А.Я. Бондарь // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2013. – № 3 (54). – С. 35-41.

8. Романова, Н.Л. Незаконный лесной бизнес в Байкальском регионе / Н.Л. Романова. – Иркутск, 2006. – 48 с.
9. Романова, Н.Л. Вопросы применения норм об ответственности за незаконную рубку лесных насаждений (по материалам Иркутской области) / Н.Л. Романова, Л.К. Никитина // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019.– № 2 (89). – С. 94-103.
10. Репецкая, А.Л. Организованная преступность. Теневая экономика. Криминальный рынок России / А.Л. Репецкая. – М., 2010. – 191 с.
11. Тепляшин, П.В. Тенденции преступности в Сибирском федеральном округе (глубина анализа 6 лет) // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сборник материалов XXIV международной научно-практической конференции (6-7 июня 2019 г.). – Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2019. – С. 92-94.
12. Торвальд, Ю. Сто лет криминалистики / Ю. Торвальд. – М., 1974. – 439 с.
13. Хохряков, Г.Ф. Криминология : учебник / Г.Ф. Хохряков ; отв. ред. В.Н. Кудрявцев. – М., 2002.– 511 с.